

КОНСТАНТИН КУПРИЯНОВ

КОНСТАНТИН КУПРИЯНОВ

ЖЕЛАНИЕ ИСЧЕЗНУТЬ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К92

Художественное оформление серии
Василий Половцев

Куприянов, Константин Александрович.

К92 Желание исчезнуть : [роман, повесть] / Константин Куприянов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 411, [5] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-115992-4

Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Юрист по первому образованию, в 2013-м закончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Его дебютный роман «Желание исчезнуть» — о современной войне и мире, который её игнорирует, — завоевал премию «Лицей – 2018», премию журнала «Знамя», вошёл в лонг-лист премии «Большая книга». «“Желание исчезнуть” — это остроумная дерзкая вещь; самой войны здесь практически нет; “мирный” литератор берётся за сочинение романа на крайне болезненную тему. Возможно, перед нами вообще первая крупная вещь об этой войне». (Лев Данилкин)

Также в книгу вошла антиутопия «Новая реальность».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115992-4

© Куприянов К.А.
© ООО «Издательство АСТ»

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ПОВЕСТЬ

Человечество стоит перед выбором:
свобода или счастье,
и для подавляющего большинства
счастье — лучше.

Джордж Оруэлл. «1984»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАРЫЙ РЕДАКТОР И НОВЫЙ РЕДАКТОР

Закончив раскладывать немногочисленные вещи, он наконец осмотрелся. Комната была тесной, в ней не поместилось бы ничего лишнего: стол, стул, постель и шкаф для одежды. По двум стенам от пола к потолку были развешаны книжные полки. Ряды запылённых, миллион лет никем не читанных книг ещё более сужали пространство.

В окне над столом белела зима, полосы серого цвета пересекали пол и стены. Впрочем, через пару недель ему стало казаться, что именно о такой небольшой комнатёнке он всегда мечтал. Андрей всегда хорошо уживался с обстоятельствами, и, может, поэтому в прошлой, столичной жизни они часто шли ему навстречу.

Через неделю, когда произошло его примирение с новым местом, Андрею, как и обещали, дали должность в главной (и единственной) газете го-

рода. Тут многое было в единственном экземпляре: не только газета, но также и радио, кинотеатр, библиотека, даже рынок. А ещё дорога для въезда и выезда из городка.

Впрочем, он не очень тревожился. Всё казалось временным. Об этом неустанно повторяли и по радио. «Временные меры», «временная угроза», «временные неудобства» и так далее. Устроившись в газету, Андрей узнал, что работа будет заключаться в том, чтобы повторять в статьях о временном характере всего происходящего.

Главным редактором была молодая женщина. В первый день она вызвала его к себе и пространно начала рассказывать о политике газеты, её целях и задачах. Андрей слушал вполуха. Ему, маститому московскому журналисту, казалось нереальным застрять тут надолго. Во время её монолога больше всего ему хотелось спросить, замужем ли она и естественный ли у неё цвет волос.

— У вас остались вопросы? — лучезарно улынувшись, спросила она, когда закончила рассказывать. Андрей поймал себя на мысли, что почти ничего не запомнил.

— Простите, я могу задать вопрос не по теме нашей встречи?

— Да, конечно.

— Что думает ваш супруг об этом?

Редактор непонимающе похлопала ресницами. Её огромные глаза окончательно превратились в голубые блюдца. Андрей не смог сдержать улыбку.

— О переезде сюда, — уточнил он.

— Он ничего не думает, — сказала она после секундного замешательства, — вернее, мы не... в общем, он ничего не думает.

«Неожиданно», — подумал Андрей, чей внутренний голос склонялся к тому, что она не замужем. Он вдруг почувствовал апатию и растерянность. Конечно, позже, в другое время и в других обстоятельствах можно будет продолжить натиск, но сейчас ему этого не хотелось. Он вообще не хотел углубляться в расспросы, однако редактор заговорила дальше сама:

— Но даже если у него и есть какие-то мысли... то он не думает ничего специфического, если вы понимаете, о чём я.

— Нет, не понимаю. Что тут можно «специфическое» думать или не думать?

— Но вы же имели что-то в виду, не так ли? — Редактор встрепенулась и подалась вперёд, чуть перегнувшись через стол, хотя её и так было прекрасно слышно.

— Я вот думаю, что тут довольно мило, — сказал он первое, что пришло в голову, и перевёл взгляд на окно.

Сидели они в кабинете на последнем этаже здания бывшего завода. Огромное пространство двора было утоплено в снегу. Ветер, порывами налетавший с бескрайних просторов тундры, подтаскивал снег к ограде. Андрей почувствовал меланхолию и поспешил отвернуться, вновь встретиться глазами с редактором.

— Да, здесь очень мило, — согласилась она.

— Я, знаете, тоже ничего особенного не думаю. Не знаю, зачем спросил. Извините.

— О, нет-нет, я ценю ваш интерес, — казалось, она заговорила с облегчением.

Они простились, и Андрей отправился на своё рабочее место. Редакции газеты был отдан целый этаж. Зачем так много? Пока здесь трудилось всего десять человек. Кажется, редактор что-то упоминала о расширении. Но Андрей не стал переспрашивать, а просто занялся делом. «Всё временно», — повторил он.

Андрей без особых сложностей составил несколько текстов, которые ему в качестве задания прислала редактор. Это напоминало работу на втором-третьем курсе института. Он сделал её механически, почти не вникая в то, что пишет. Больше походило на агитационный плакат, чем на статью. Впрочем, посидев над ней с полчаса и перечитав дважды, он убедился, что именно агитацией теперь и занимается.

Это осознание задело его. Несколько минут он просидел в растерянности. Он почувствовал себя натянутой пружиной, готовой в любой момент разжаться. Вот сейчас он вскочит, пересечёт холодный, плохо отапливаемый этаж, ворвётся в кабинет к блондинке и воскликнет: «На такое я не готов подписаться! Извините, что отнял ваше время, но я ошибся!» Он объяснит, что привык заниматься журналистикой: расследованиями, разоблачениями, аналитикой, громкими выводами, а не

демагогией на уровне болтовни в подъезде — ему не пришлось даже ни разу зайти в интернет, чтобы написать это.

Но по какой-то причине пружина не разжалась. Пройдёт много времени, но всякий раз, думая о том, чтобы отказаться от этой работы, Андрей представлял себя снова едущим через тундру — в обратном направлении, к Москве, через те же бесконечные заснеженные просторы «настоящей» России, прежде известные ему лишь смутно. Делалось неуютно и даже страшно от размеров страны, которую он, столичный житель, прекрасно представлял по карте, но совершенно не был готов объять в действительности.

Когда он спрашивал, ещё в самом начале пути, отчего их не отправляют в городок на самолёте, ответили очень просто и неправдоподобно: «Посадочную полосу не вычистить от снега». Он чувствовал, что и назад ехать придётся на поезде, пересекающем яростной чёрной стрелой утонувшие в полярной ночи белоснежные поля. Постепенно он расслабился и поник над текстом, стараясь думать как можно меньше. Время пошло быстрее.

В день Андрей обязан был сдавать не менее трех статей. Писать требовалось под тремя разными псевдонимами и по возможности — с тремя различными интонациями. Однако, несмотря на поселившееся в голове Андрея многоголосие, тексты сводились к одной и той же мантре: «пребывание в городе временное, все сложности — не на-

всегда, вы рано или поздно вернётесь в родные дома, всё пойдёт по-прежнему» и так далее.

Пару недель спустя Андрей подумал, что его статьи слишком однообразны, голоса ничем не отличаются от его собственного и что для придания им жизни нужно получить хоть какую-то информацию о внешнем мире. С этой мыслью он пришёл в кабинет редактора. В кресле главреда сидел среднего роста мужчина в тёмно-коричневом костюме, белой рубашке и чёрном галстуке. Закинув ноги на стол, он читал маленькую записную книжку — судя по розовой обложке, она явно принадлежала не ему.

Пёстрая записная книжка показалась Андрею единственным ярким пятном в кабинете: за те недели, что прошли со времени первого и последнего разговора с девушкой, куда-то исчезли все книги и журналы, опустели полки и стол, пропали картины. Собственно, не было ни компьютера, ни даже комнатных цветов.

Пустота добралась и до подоконника: чуть дрожали от порывов метели деревянные ставни, звенели стёкла. Тусклое пятно уличного света освещало фигуру и лицо незнакомого мужчины, сидящего за столом главреда (был морозный полдень — впрочем, здесь, за полярным кругом, день лишь слабо подсвечивался, урывая краткие пару часов между вздохами вечной беззвёздной ночи).

Андрей сначала хотел сказать, что ошибся кабинетом, но потом решил просто незаметно выскользнуть обратно в коридор, ведь незнакомец никак не отреагировал на его появление.

— Пойдите, — властно сказал он, когда Андрей уже почти закрыл дверь. — Войдите.

Андрей вошел. Мужчина впервые поднял на него глаза и изучал несколько мгновений. У него было узкое уставшее лицо, иссечённое мелкими морщинами; благодаря длинному носу и узким бескровным губам оно казалось заострённым, как у птицы. Однако он не выглядел старым. Его глаза были скрыты за толстыми линзами очков, поэтому Андрей не видел, какого они цвета. Через несколько секунд незнакомец вернулся к изучению записной книжки. Проведя за ней некоторое время, он небрежно сказал:

— Сядьте.

Андрей сел. Он поймал себя на мысли, что в прошлой, московской жизни испытывал бы возмущение и гнев, что какой-то непонятный человек отдаёт ему команды, как собаке. Но мысль о неповиновении возникла, померцала недолго и ушла. На её месте осталась белая, безразличная покорность. Закончив листать записную книжку, незнакомец отложил ее в сторону, сел ровно и спросил:

— Вы, должно быть, Андрей?

— Да.

— И вы зашли, чтобы побеседовать с прежним редактором?

— Да.

— К сожалению, она уехала.

«Интересно, он ждёт от меня какой реакции?» — подумал Андрей и понимающе кивнул.